

Веско Аврелий

Cazador

Ревизор
по стандарту

Victime

CENSORED

Не соответствует стандарту

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Веско Аврелий

Ревизор по стандарту

<https://litres.ru/74423319>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире Франко-Испанской войны, в дни атрофии эмоций. Люди пытаются найти счастье в минимальных вещах.

Но каждый раз приходит оплошность.

В повествовании рассказывается об выдуманном классе элиты - ревизорах. Оценка качества по стандарту - главная идеология. И в этом мире, человек французской мысли. Ищет оплошности идеи

Содержание

Ревизор по стандарту	4
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Ревизор по стандарту

Ревизор по стандарту

Глава 1

«Положено за сверхурочную переработку»

– Вы, ревизоры по качеству. Четыре года вас обучали лучшие профессора НЗКРКа. Вы уже были на голову выше своих сверстников, когда смогли пройти основной государственный экзамен, причём не просто сдать, а получить баллы для поступления. Мы гордимся вами, и в честь этого хотим вручить дипломы. Во имя всей нашей Республики вы есть те, кто двигает основную идею – контроль и оценку качества, – и кто, как никто другой, знает, как ставить безукоризненно объективное мнение даже на самые спорные моменты. Также хотим вручить аттестаты о высшем классовом образовании.

Дальше я уже не слушал. Какое дело молодому ревизору до церемонии, которая проводится каждый год для двадцати восьми – тридцати человек и тысячи камер, что так и пытаются поймать фокус на лице Аполлона. Идиоты из Института надзора за качеством даже не понимают, что половина сюда идёт не за профессией, а за дипломом. Им можно бу-

дет стучать по голове заведующего отделом кадров, правда только внутри Республики, – не секретная истина, о которой говорят налево и направо. Что дальше? Обучение по узкой специализации? Ну, не побирание же милостыни на улице. Нет, это мне точно не светит. Мне было всё равно. Мать, наверное, смотрела парад по телевизору. А может, и нет. Какая разница.

Особо как выпускник тут не разгуляешься. Не в том смысле, что нет праздника в честь окончания обучения на самую престижную специальность, а в том, что вся ближайшая активность выпускников будет фиксироваться на камеры по всей Республике. Странное чувство: я вроде бы свободен вседозволенностью, но ограничен тем, что вся эта вседозволенность создаётся искусственно, и каждый мой шаг – это фокусировка объектива на каждой открытой бутылке алкоголя и лишних секундах завязывания шнурков.

К слову об алкоголе: он тут под лёгким запретом, в том смысле, что вроде бы нельзя, а всем вроде бы плевать. Магазинам на это тоже плевать – все берут по талонам спокойно. Ну, и это понятно, ведь это обычные граждане, за которыми не следят.

На выпускной готовилась поездка в крепость где-то в Испании. Как раз не так далеко от Республики. Никогда не ле-

тал на самолёте. Хотя, чему я удивляюсь, туда ездят уже на протяжении десяти или более лет. Даже название заучил. Замок Сан-Маркос. Твою же... Неужели я настолько хорошо знаю? М-да, сколько свинью золотом ни корми, она отходов просит. Джордж Оруэлл не врал.

Мысли перебил одноклассник:

– Маркус, не спи, ты уже слюни пускаешь.

– Мгм.

Дальше я продолжаю слушать:

– Вы и будете те, кто двигает нас. Спасибо вам, что вы есть. Теперь вы отправляетесь в свободное плавание в возможности выбрать свою узкую направленность. Удачи.

Аплодисменты.

О, ну наконец-то, а то уж я думал, придётся ещё пару таких лирических отступлений сделать. Я, чёртов писатель гламурных романов про неудачливых любовников. Почему это так отвратительно звучит?

И вот все торжественно идут на шествие по городу – это

когда новых ревизоров по качеству приветствуют работающие и стажирующиеся ревизоры. А высшие ревизоры смотрят и одобряюще кивают головой выпускникам.

Резиновые шары улетают в небо, а с ними и мысли, что после двадцати жизни нету. Да, это всё были байки. Говорят, жизнь на любителя, но я, похоже, и есть тот самый любитель. Курить хочется, но я не курю, да и не разрешили бы.

В запрещённой книге один мальчик разговаривал с самим собой, потому что больше не с кем было. Он учился в школе для дураков. Я подумал, что НЗКРК – это школа для умных. Разница была только в названии. Тот мальчик хотя бы не врал себе, что он умён.

Тысячи и десятки тысяч глаз смотрят в небо, наблюдая за шарами. Наверное, они и вправду оправдывали систему оценки их судеб только из-за того, что парад сделали величественным.

Шары улетели.

Вот мы проходим сад. Я поднимаю яблоко и кидаю его в одnogруппника. Он поворачивается ко мне. В его глазах читается злость, живая злость, но лицо непоколебимо, улыбка обвисла, как при инсульте. И он поворачивается обрат-

но. Обычный человек бы усмехнулся. Но я... уже был польщён минимальными эмоциями человека с моего факультета. А ещё у него были развязаны шнурки. Мы идём в тишине. Даже грязи нет, чтобы хлюпать под ногами, – просто земля. Вот мы выходим на асфальт, и высокие ботинки и мужские туфли начинают стучать по асфальту. Он настолько горячий, что того и гляди мы начнём видеть галлюцинации. Но скоро июльские вечера сменятся прохладой августа, и я буду грустить о вечерах прежней школьной жизни.

Мы вышли в город. Там уже стояли люди. Люди... Живы ли они и их мораль, если они любят ревизоров? Я не понимаю женщин, что так же были обделёнными творчеством и потенциалом, – их права просто ущемили новой политической реформой. Они не могут быть юридическими, если их сейчас так можно назвать... Их кукольные глаза наводят жуть. Каждый из людей знал, кто мы такие, но боялся оскалить зубы в злобе, а не в улыбке.

Мы идём по городу, дороги перекрыты, а люди аплодируют нам в солнечных лучах июльского лета. Я сверкаю от него и тысячи камерных вспышек. Каждый блик отдаётся своей искрой в маленькой голове человека, что потерялся среди камер и бесчисленных годов этого мегаполиса. Но среди всей бесконечной фобии модерна я найду путь в дом... что?

Что?

Одно слово среди белого экрана.

Снова люди, и снова эта белая комната. Я метался между пространством времени и перебегами между бытом и целью. Грань между реальностью сейчас так тонка, что кажется, и брошенное яблоко порвёт её. Пока люди что-то говорили, а именно высшие ревизоры читали речи, один из них вдруг посмотрел на меня. Нахмутив брови, он уважительно кивнул мне. В этот момент реальность стала более реальной. Вдруг всё стало ощущаться холодным ветром в спину, пластиком, стеклянными панелями.

Странные ощущения прервались, и тут же начались новые, когда глаза начали щуриться, а земля уходит из-под ног. Но это неважно, песенка спета, не стоит, думаю, драматизировать это, хотя я, как никак, обычный гражданин, копавший ямы себе на медный гроб. Ко мне бегут, и камеры утихают, но больше глаза не хотят видеть глумящегося блеска.

В конце туннеля видел не рай – глаза уже среди белых аппаратов. Палата одноместная. Больше сказать нечего.

Мама оставила записку: «Поздравляю, сынок, ты герой,

выстоял, не утоптал честь нашей семьи, ты наша гордость».

Папа не написал ничего.

По телевизору передавали, что у одного из участников парада были развязаны шнурки – теперь он не ревизор. Слов нету.

Ещё с детства я заметил, что мать не читала мне нотаций, как бы это...

Вдруг ко мне залетел голубь, белый, с красными лапками. Он сел на койку и начал смотреть на меня. А я на него. Да, внимание человека тяжело заполучить в дни всеобщей доступности. Но... всё-таки голубь заставил меня смотреть на него. Я уже хотел потянуться к нему, как ко мне быстрее голубя залетел лечащий врач:

– Фу, кыш отсюда!

– И правда, вон отсюда, пернатая тварь.

Что-то ёкнуло, но я не знаю что.

Наверное, я бы не уснул, если бы не следующая новость на повестке дня по телевизору. Там говорили про меня. Но

я оперативно выключил прямоугольную коробку, понимая, что меня ждёт та же судьба, что и того несчастного ревизора.

Только я уткнулся в подушку, как раздался звонок.

Глава 2

«Отдохнёшь на том свете»

– Алло?

– Да, здравствуйте. Как самочувствие? – сказал голос из трубки.

– Пойдёт.

– Ладно, в любом случае, если не смотрите телевизор, то советуем включить новостную программу. Это ваше дело, потому что мы все очень ценим таких людей, как вы, что показывают доблесть в перестройке.

– Спасибо, – сказал я холодно.

– Так что вы думаете?

– А что должен?

– Ладно, отдыхайте.

Звонок сброшен.

Я включаю телевизор заново, и тут до меня доходят слова, от которых хочется прыгать ужаленным зайцем. Там показали меня, с клише вроде того, что я гордость Республики. Странное, конечно, чувство. Когда твою трагедию не оплакивают – это не страшно. Да и отсутствие людей – тоже.

Je suis pauvre, mais je vis comme un riche, parce que je me contente de ce que j'ai. (Что с французского: я нищ, но живу богато, потому что довольствуюсь тем, что имею.)

Стоило бы подумать над тем, на кого идти дальше. Ну, так-то вообще, к техническому меня не тянет. На медицинского ревизора – долго. А на кого стоило бы?

Солнце жжёт. А я листаю каналы до момента, пока мне не попалась программа про кулинарию. В ней человек готовил оладьи с яблоками. Вкуснотища, наверное, должна была получиться. На начало программы я не попал, но в верхнем левом углу были написаны пропорции. Однако меня смутило не это, а отсутствие перчаток и шапочки. Нарушение стандартов. Мне должно быть безразлично. Но тут я понял, что именно на это я и обратил внимание. Не знаю почему, но

другие сферы не так интересовали моё оценочное мнение.

Взяв телефон, я набрал время обучения на пищевого ревизора. Два года. Ну, не так уж и много. Вообще, мне так кажется, что наверняка стоило бы подумать о ревизоре внешней политики, хотя туда очень трудно. Но уж точно не на цензора. Это ещё хуже медицинского. Если там будет некачественный надзор за своим отделом – выговора не избежать. Ревизор 25-го года? О чём говорить, если ревизоры 25-го года вынуждены заставлять людей восхвалять то, что было в тот год? Да и зарплаты мизерные.

Ладно, пройду ещё одну профориентацию. У нас же она сделана непродуманно. На ревизора можно попасть, если просто знать, как себя вести. Так-то тестирования же они не всегда совпадают с характеристикой. Я даже не буду говорить про тесты для юридических лиц.

Я решил пощёлкать телевизор, но не заметил, как уснул.

Не помню, что было. Но я отчётливо помню, что там был главный ревизор, толкал речи про выпускников, и я точно помню, что он сказал про меня. Ещё сказал пару слов про других выпускников. Но вот только не слова про развязанные шнурки.

Я решил почитать новости. Почему и где нету про того парня? Но я не нашёл ничего. То есть прям совсем. Как будто бы про него забыли напроць.

Ну и ладно. Я лёг спать.

Проснулся я от того, что надо мной стояла медсестра.

– Вас выписывают уже через пару часов.

– О, наконец-то. Я уже думал, меня хоронить будут.

Она была эмоциональна, как труп, и безжизненна, что ну навряд ли смогла бы произнести и слово. Синяки под глазами проглядывались сквозь макияж. Я знал, откуда они у неё, но не особо хотел её спрашивать об этом. Ведь упоминание чёрного рынка, пожалуй, было не самой актуальной темой.

Эти последние пару часов я решил с пользой и начал изучать программу пищевого ревизора. Я всё-таки думаю, что навряд ли стоило бы вообще служить до высшего ревизора, но туда в любом случае попадают единицы.

Пару часов пролетели незаметно, и я уже писал на регистратуре бумаги о снятии ответственности за моё здоровье с данного учреждения.

Я шёл по кафельному полу и думал, а мимо пролетали мраморные стены. Ничего себе, меня в роскошные апартаменты положили. Видать, я много сделал для мотивационных мероприятий.

Как только я вышел на улицу, ко мне подбежали три репортёра. Все разодеты примитивно. Но и это радовало. Одна была одета в небрежную белую рубашку. Второй – в красной кофте с надписью по-французски «Отчаяние умных людей» – не люблю этот бренд. Третий был вообще... Ох ты, а он и правда был выряжен как щёголь.

Первым начал мужчина в красной кофте:

– Каково вообще быть самым обсуждаемым человеком на повестке дня? – говорит по-французски, как испанская корова.

– Не знаю, – сказал я, опустив глаза. Всё-таки вопросы были до ужаса примитивными – можно было и подготовить что-то оригинальное, а не эти вопросы обычного репортажного жаргона.

Я ушёл от них, видя фронтальным зрением их горечь. Да уж, странные люди. И тут я поймал себя на мысли: моло-

дой ревизор уже начал оценивать людей не своей профессиональной сферы.

Я шёл по улице с чемоданами в руках. Голод был дикий, карман пуст, нет талонов. На пустой живот легче думается. Мы голодаем не потому, что мы привереды, – мы живём во время, когда рот нужен, чтобы кричать и говорить повторяющиеся вещи. Пропала возможность поглощать. Плохо ли это? А плохо ли, что яблоня давала не только яблоки, но и другие плоды?

Глава 3

«Кошки-мышки»

– Добрый день, уважаемые граждане.

Нет, спасибо, не буду слушать дальше – мне лень.

Сегодня полёт в Испанию. В традиционное место. настолько традиционное, что даже присутствие там алкоголя меня не удивит.

Зевнув, я покачал головой, разминая её. Мать сидела на диване. Я – сто девяносто два сантиметра ростом, каждый раз ударялся головой об каркас.

– Доброе утро, – сказал я на зевке.

Мать одобрительно кивнула. Как будто бы забыла то, за что меня блажила день назад.

Обычные дети, наверное, могут спрашивать про еду, но не в моём случае. Я пошёл на кухню и начал есть мёд из банки. А что, если в нём обваливать яблоко? Звучит вкусно, но странно. Вроде бы моя идея не оригинальна, но я её когда-то увидел в книге. Пока кулинарные книги не запретили – уже как четыреста пятьдесят первый день, наверное. И заставили людей покупать готовые закуски или же блюда по талонам. Именно поэтому я решил, что поедание мёда и последующий поход в кафе будут актуальны. Пока что я получал стипендию в виде талонов на блюда пятого разряда, что было ну уж очень приятно. Также были талоны на технику и съём жилища. Только вот сейчас маклеров не было, и всё приходилось спускать на счастливое стечение обстоятельств. Жалко, но талон на холодильник поменять было невозможно, точнее незаконно.

Я начал собираться в ресторан. Взяв талоны, не надеясь на чудо, я надел свою свободную рубашку, натянул ботинки на высокой посадке и вышел в пасмурный день лета. Вокруг капали звёзды с неба, а я только взлетал. Капли звёздной автострады были рады окончить цикл существования. Я

же был солидарен с ними и вонял беспросветной улыбкой. Я мечтал стать кем-то, кем мечтают стать тысячи, жалко правда, что не каким-то человеком, смакующим жизнь в каждой её минуте.

Мимо пробежала кошка. Не люблю кошек. Я прошёл мимо, но она, подбежав, начала тереться об меня.

Ну хотя бы кого-то сделаю приятно. Я погладил её, но вдруг она цапнула меня.

Фу, мерзость. Помог скоту, называется. Пнув её, я отбросил – она зашипела и убежала в кусты.

Я шёл через поле возле дома – в дождь там редко кто ходит. Но я не боюсь грязи, мне вообще дела до неё нет. Умно – не бояться грязи, ведь, как говорится, всё, что нас не убивает, делает нас сильнее.

Дойдя до Вихильхинского ресторана, я смотрел на людей, евших там. Пара человек и их кудрявая собачка, таращившаяся в окно. Передо мной зашли ещё два человека под зонтом, почти с такой же псиной на руках. Они зашли, и к ним подлетел человек в форме официанта и начал вытирать ботинки: сначала мужчине, потом женщине, в самом конце – собачке её очень грязные лапки. Она шевелила хвостиком и

мило скулила – от счастья, наверное. Ведь половина Республики живёт хуже, чем эта милая собачонка.

Зайдя в здание, ко мне подлетел мужчина в костюме хаусмена и начал:

– О, вы тот самый человек с телевизора! Какая честь. Как к вам обращаться?

Даже моего имени не знает – я для него лишь ходячий кусок золота, от которого он хочет получить дольку.

– Маркус, ревизор по качеству.

– Какая честь!

Гадость.

Пройдя внутрь после чисток ботинок, я зашёл и сел за столик с оранжевой округлой скатертью. Ко мне подлетел официант и с волнением на лице начал:

– Здравствуйте, Маркус. Хотим вам предложить поесть, а после закусок предложить вам оценить нашу кухню.

– М-м, ладно.

Мне принесли пару разных закусок и положили бланк для номера телефона. Тут до меня дошло, что что-то тут не так. Моча ударила в голову, и я решил, что одну можно съесть, а вторую – в карман. Но тут я увидел, что подо мной стоит собачка, виляя хвостом, – тех самых хозяев. Я быстренько скинул ей закуску и решил съесть вторую. Вкус обычный, но ощущения странные. Я сел читать меню. Обычная еда, хотя оценки высокие. Всё изменилось с новым управляющим. Пока я вчитывался в это на протяжении пятнадцати минут, ко мне снова подбежал тот же официант и предложил пойти на кухню. Я пошёл.

Мне выдали фартук и шапочку для волос. Одев их, я ощутил себя рабочим забегаловки. Мне начали показывать кухню, и что-то резко я провалился в облака. Но тут же вернулся.

– Вот тут невероятно чистая кухня.

На деле же она была очень грязной.

– Вот это холодильник. Свежие продукты.

Я подошёл посмотреть поближе. Повара переглянулись и недоверчиво посмотрели на официанта.

– Мгм, дальше.

Тут они занервничали и решили:

– Ну, думаю, примерно вы мнение сложили, да?

– Вы издеваетесь? Зачем вы мне это показали?

Они покраснели и добро вывели меня с кухни. Когда я выходил, увидел собачонку, что шаталась из стороны в сторону. Я не придал этому значения и, собравшись, пошёл домой собирать вещи.

Дождь прошёл. Я шёл уже через дома, как вдруг встретил знакомого. Почему-то забыл его имя.

– Привет. Как дела? Видел, в телеканалы попал.

– Ага. Нормально. Только вот почему-то... – и рассказал всё, что было в ресторане.

– Так вот оно как. Обычный метод обмана ревизоров. Они дают им под видом лёгкой еды алкоголь, а потом просят сделать оценку. Кто-то делает это для статуса и хорошей оценки ревизора, кто-то – чтобы выставить их пьяными и попросить

откуп. Короче, помогла тебе чуйка.

– Понял. Спасибо, удачи тебе.

Он хотел что-то добавить, но я уже шёл с каменным лицом.

Дойдя домой, я набрал однокласснику и попросил курировать путь до аэропорта, потому что не знал, где он. Да, живя тут с рождения, не знаю, как и где что. Но мне не стыдно.

Я начал собирать чемодан, и мать закричала:

– Тише можно!

Да пошла она. И я продолжил собирать вещи: свидетельство о статусе ревизора, одежду, в том числе две футболки с нашивками «А-3», аптечку – халаты там выдадут, – носки, трусы, медикаменты. Мы считаем это нормой, чем-то само собой разумеющимся, пока не наступает момент необходимости. Тихий плач в колодце без верёвки. Но я уверен: медикаменты не помогут. В падающем самолёте все равны перед друг другом. Нет левых, нет правых, нет неправых. Эх.

Выходя из комнаты, я крикнул маме:

– Пока.

– Ты воду не выключил!

Ок.

Я вышел на улицу и стал ждать автобус, который должен был собрать выпускников. Небо всё ещё освещалось солнцем, но было ещё прохладно. Будет забавно потерять сознание – то из-за жары, то из-за прохлады.

И прямо ко времени подошёл автобус. Не столько набитый, сколько уже с половиной знакомых, но таких чужих лиц. Двери открылись, и я шагнул в салон с чёрными креслами и подставками под напитки. У одного была бутылка дорогого вина, но я не смог разглядеть его год – разве что увидел первую цифру «1».

Приятель, который вывел меня из сна на церемонии, махал мне, приглашая сесть на место около него. Я только хотел пройти, как водитель сказал:

– Ты это, если бутылка есть, оставь её тут, не свети ею на камеру.

– Без проблем.

– Ну, Маркус, давай чуть-чуть быстрее шевели булками.

Я присел, и тут же мой приятель начал меня донимать:

– Представляешь? Вчера я с лестницы кувыркнулся с перепоя после празднования.

– А что, как ты ещё цел?

– Не знаю, к врачу не обращался.

Слов нету.

– И к слову, в какой-то год в автобусе была девушка, голая, рисующая картины.

– Мгм, – ответил я.

– Кстати, как я слышал, там в Испании есть алкоголь пятидесятилетней выдержки.

– Хорошо.

Тут он понял, что я не особо подкован к разговорам, и продолжил общаться с остальной суммой людей.

На удивление, через пятнадцать минут мы приехали в аэропорт. Белые стены, большие окна. Всё это выглядело футуристично. Я перестал верить, что мир можно назвать нон-фикшн-романом, настолько это было не похоже на наш мир и привычные инфраструктуры. Всё оно радовало глаз, но не внутреннего австралопитека. Технофобия – его главный казус. Но, как никак, меня впечатляло снаружи это чувство, что я – великий элемент часового механизма. Тут же рядом пролетел голубь, сизый.

Выпускники не замечали его, только смотрели в телевизоры в автобусе. По ним шла программа музыкального канала. Я решил посмотреть побольше, и там каждой второй секундой – извивание танцующих полуголых девушек. Фу. Даже не удивлён. У нас же даже на брак нужны талоны.

Автобус приехал, и довольные выпускники, которые ещё не чувствовали опасности, уже спешили и мирно пошли.

В аэропорту не было ничего такого, что могло бы удивить выпускников. «Обычное панельное здание», – сказал кто-то. Неуч. Но я-то чувствовал себя прекрасно. Солнце уже встало. Птицы не пели, зато воздух был прохладный и пах, как в холодильнике. Прохладный воздух даёт вдох жизни, и я снова становлюсь человеком. Огромные окна светили на меня

преломлённым светом.

Мы начали регистрацию – чувство важности и последних дней в школе. Моя природа ревновала меня ко всему чуду индустриализации.

И вот регистрация прошла, и мы пошли на борт самолёта. По железному трапу топали десятки ног, и меня охватило чувство беспокойства. Ведь я впервые летел на самолёте. Меня сжимали эти стены. Внутри самолёта пахло креслами и шампанским. Только сейчас я в иллюминаторе увидел около десятка операторов. Меня тронули за плечо и сказали сесть. Я прошёл вперёд и сел в самом конце самолёта, слева. Сиденья мягкие, а самолёт большой. Меня давило близко стоящее кресло, но я молчал. Ко мне подсел приятель слева и начал:

– Хоть когда-то летал? Могу сразу пакетик дать.

– Нет, не летал. И пакет тоже не надо.

– Это захватывает.

– Хорошо. Ну раз захватывает, давай прям под ноги тебе. Ну ладно, сколько лететь?

– Не долго, минут тридцать.

– Ого. Испания так близко?

– Соприкасается с нами.

– Понял.

Операторы ушли, и самолёт начал тарыхтеть.

– Пристегните ремни!

– Чёрт возьми, звук как в обычных самолётах.

– М-м, понял. И давно летал? – спросил я.

– Я? Не так, меня возил отец на частном. Но теперь не выйдет.

Самолёт начал набирать скорость, и пара выпускников начала вопить.

– Тихо! – крикнул кто-то.

Меня охватили ужас и легкость. Я боялся сказать слово. И мы взлетели – в животе будто летали бабочки, и я чуть не потерял сознание.

– Маркус, нам надо поговорить.

– М-м?

– Я давно думаю над тем, что мы, ревизоры, – просто инструменты, как бы нам ни говорили о безграничных правах.

– Мгм.

– Я вообще кажется думаю, что свобода – это единственная валюта на всей земле.

– Скажи мне: ты свободен?

– А разве в богатстве решение всех проблем?

– Ты ничего, кроме талонов, не имеешь, всё оно временно. Права, твоё место в обществе.

– Закон Грешема слышал?

– Нет.

– Плохие деньги вытесняют хорошие.

– Как это понимать?

– Людям в обиходе нужны только некачественные валюты.

– Хм. А он прав, наверное, тот, кто создал закон.

– Знаешь, зачем нужны правила при падении самолёта?

– Чтобы знать, что делать.

– Чтобы снять с себя обязательства. Это лишь бумажка. Картинки для детей, чтобы им было весело. Инструкции по выживанию в небе и космосе нужны, чтобы допустимо пускать людей на убой с перекрещенными пальцами.

– Ты прав.

– Знаешь, что бывает, когда...

Он оборвался на полуслове. Самолёт начало трясти.

Ужас – он не сковал, он отрубил руки и ноги. В голове холодно, а нижняя часть обтанцовывает канкан.

– Пилот приказывает по связи пилот-пассажир взять па-

рашюты!

Но мой приятель кричит, что это всё запись и парашютов нет.

– С чего такие выводы?

– А сам подумай: запись и то, что самолёт обычный.

– Экстремисты, что ли?

– Именно они.

– И что делать?

– Ничего, смирись. Вспомни всё хорошее, что было в жизни.

Тут я начал вспоминать под крики людей в самолёте. Впервые ревизоры что-то испытывали, кроме золотой лихорадки. Я вспоминал, как просто ел мёд из банки – более ничего нет, что могло бы радовать, как каждый день, когда я просыпаюсь. Перебеги между рождением и старостью так малы, что кажется, обречённость – последнее чувство, преследующее человека. Я просто человек, и вы просто люди, мы не поменяем грозный рок.

Я отключался в криках надежды и звонками на высоте шести тысяч футов.

Глаза закрылись на моменте, когда я стал чётко разбирать земной ландшафт. Приземлиться мы должны были на задней части поля. Команд от пилота не было. Все смыслы вдруг перестали быть смыслами и стали лишь посмешищем моей черепной доли. Мы в ответе за свою жизнь, но так же ответственность лежит и на других. А что же с неживой природой? Странно было бы говорить про ответственность, когда мы даже не можем повлиять на неё со стороны.

Триста футов над землёй.

Меня никто никогда не любил.

Кто-то тихо звал мать. Бутылки звенели, как колокола в дни бубонной чумы. Обречение. Я не был удивлён тому, что никто не смотрел фотографии и не молился. Чувства были чужды в их сердцах даже перед неминуемой смертью – всё в духе Декамерона.

Двести футов.

Может, на моё место встанет человек перспектив.

Ни у кого тут не было детей. Но каждый хотел хотя бы прикоснуться к женщине вне блуда. Я не знаю, будут ли оплакивать их дома, но знаю, что наша смерть – трагедия, которую превратят в статистику.

Кто-то начал орать.

Сто футов.

Хотя бы не будет могилы, чтобы осквернить её.

Вот и конец. Стало тихо, только гул бил в уши. Никто не знал, что закончит из звёзд в тернии. Я не вспомню, чтобы чувствовал что-то. Но всё-таки мне было интересно попробовать яблоко в меде на вкус. Что будет после смерти? Я никогда не думал. Смерть – это когда ты думаешь, что всё стало лучше. Но может, и не думаешь. Наверняка стоило перед смертью сделать что-то хорошее. Но я и не вспомню ничего такого, даже когда я был кем-то. Я был человеком низкой судьбы. Простите меня, что я так и не стал тем, кто будет вершить судьбы людей. Наверное, поэтому и падают звёзды – потому что на небе становится слишком тесно.

Je vais mourir, mais je vous emmerde (что с французского: «я умру, но к чёрту вас»).

Удар.

Я ударяюсь головой в кресло, и всё мутнеет, как будто бы в голове надулся шар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.